

«Серебро тишины»

В середине 2002 года в издательстве «Вешние воды» вышла книга прозы писателя Леонарда Михайловича Золотарева «Липа вековая». Книга состоит из циклов рассказов «Завтрак на траве», «Скоро осень», «Озарения», «Есенинские очки», «Гранатовые истории», «Высверки истории», «Ведренная погода», «Меченые места», «Серебро тишины». Особо стоит повествование в рассказах «Седмица» (реальное в мистическом освещении). Предваряет все это предисловие автора, это своего рода литературный манифест «Акт свободы творчества» (АСТ), где во главу писатель ставит проблему диалога с миром, Вселенной. По словам француза Нодье, когда политические дискуссии и гражданские распри прекращаются, сражения переносятся в литературный лагерь. Высокая поэзия, как и вообще искусство, всегда стремится к божественной гармонии, а в соединении с духовным и к гармонии бытия. Однако после законченных битв вновь разжигаются страсти, ломаются перья, затрагивающие как читателей, так и самих писателей. Особенно тех творцов, что жаждут свободы слова, новаторства. Куда спокойнее живется тем, что держатся устаревших догм, создавая посредственные произведения. Однако все новые поколения, не лишённые романтики, отвергают обветшавшие, устаревшие каноны, штурмуя высоты. Противоречия между прагматиками и романтиками, славянофилами и западниками не новы. Как, впрочем, и противостояние современных авторитетов различных формаций и новаций. Однако литература, как и сама жизнь, не стоит на месте. Литературный процесс идет в ногу со временем, а в творчестве лучших опережает его. Эволюция от неизвестного к известному через новаторство дает возможность прислушиваться к гармонии Вселенной, к тишине мира. Именно благодаря проникновенному, адекватному отображению и устанавливается диалог со Вселенной, а через нее и с оппонентами, сторонниками иных побуждений и мнений.

Прозренческая сила предупреждает, музы отвергают отживающие истины, допотопные проблемы, идеи и верования.

И вот в еженедельнике «Просторы России» (г.Орел) опубликована рецензия Петра Ивановича Родичева.

«На столичном уровне»

(о новой книге Леонарда Золотарева «Липа вековая»).

«Новая книга Леонарда Золотарева составлена из рассказов разных лет, частично уже издававшихся и одобренных читателями и критикой. Как бы в итоговом нынешнем издании присутствие лучшего из написанного прозаиком ранее вполне оправданно - и при взгляде с его эстетических позиций, и при оценке эволюционно-социальных убеждений, достигших окончательной зрелости.

Примечательно разнообразие форм внутри самого жанра рассказа (в книге их около двухсот) - это и многостраничный показ литературного персонажа в рамках определенного сюжета и индивидуальной психологии, и концентрация читательского внимания на высших фазах самовыражения людских характеров - в труде, защите Отечества, семейных коллизиях, любви и ненависти, осмыслении судьбы и своего места в мироздании, поскольку духовные взлеты счастливого или страдающего человека беспредельны, а степень сопереживания читающего книгу напрямую зависит от мастерства пишущего.

И слава богу, что к творческой работе Л.Золотарева можно подходить с полной мерой взыскательности - он, как говорится, устоит и останется со всем лучшим, чего достиг.

Что касается формы - она достаточно традиционна: циклы рассказов и новелл («Липа вековая», «Завтрак на траве», «Озарения»). Монологическое повествование «Седмица» можно считать стержневым в книге, хотя оно не является новой формой изложения авторского замысла. Сам Золотарев признает за собой в данном случае композиционную связь с «Декамероном» Дж. Боккаччо, а мы упомянем и «Рукопись, найденную в Сарагосе» Яна Потоцкого, и будем держать в уме достаточно многочисленные повести и даже романы в новеллах, созданные и создаваемые в более поздние времена, вплоть до нынешнего. Значит, для нас имеет значение лишь уровень написанного в этом ключе - в плане сюжета, драматургии отношений в нем и трансцендентных привнесений в него, не являющихся в поэтике и эстетике нашего прозаика случайными.

Стоит отметить: творческое «вино», влитое Золотаревым в «мехи» старинной повествовательной условности, - поистине молодо. Несколько юношей, выпускников сельской школы, получают повестки из военкомата, их призывают на военную службу. С учетом «горячих точек» на юге страны, особенно в Чечне, перспектива армейской службы стала видиться зловещей. Взволнованы и подружки призывников – как же, ведь женихи могут и не вернуться с Кавказа живыми. Чтобы им выговориться напоследок в узком кругу, автор помещает группу молодежи из семи человек на колокольню местной заброшенной церкви. Почти непрерывный – в течение недели – обмен мнениями-исповедями между молодыми людьми по вечным вопросам выбора жизненного пути, морали и веры, а также – отношению каждого из них к современным проблемам – напоминает непринужденную дискуссию, в том числе – о роли мистических светлых и темных энергий, якобы влияющих на судьбы людей. Форма полемики придает повествованию сценический пафос, в силу единства места, времени и действия, сюжетной линии.

Ощущение усугубляется притчеобразной речью высказывающихся, хотя лексика и не архаична. Благодаря емкой эрудированности автора «Седмицы» рассказы персонажей не по-деревенски содержательны, а их попытки анализа событий и явлений не банальны.

Элементы фантастики, присутствующие в повести, раньше относили к сюрреализму, сейчас относят к таинствам ирреального, параллельного мира. Обычный литературный вымысел, правда, не становится от этого новее со времен Гоголя, Булгакова и Шукшина, однако и привлекательности своей не теряет, если автор достаточно красноречив. Золотарева не в чем упрекнуть по большому счету – повесть звучит по-граждански актуально и свежо и может быть принята за просветленную человеколюбием поэму в прозе.

В произведениях Леонарда Золотарева вообще много по-юному романтического. Оно является особенностью его жизнелюбивой и щедро одаренной натуры – у него безупречный музыкальный слух, дар поэта, развитое чутье на все эпическое – историческую поэму, роман, драму и оперу. Небо наградило его и превосходными певческими данными. Эстетическая жажда писателя утолялась из глубинных культур Древней Руси, европейской

античности и Ренессанса, любомудрием Востока и Запада. И когда познанное «восалось», просветило душу и начало прорастать через художественное воплощение в слове, - потребность в романтическом навсегда одухотворила перо нашего прозаика. Он уверен во взаимопонимании с читателем («... говорю торжественно, задевая струну в себе...») – потому что это «задевает струну» сопереживания и в нем.

«Торжественность» слога Золотарева вовсе не означает буханья в колокола без заглядывания в святцы. Разве мало образной и метафорической патетики в таком горьком «Слове о полку Игореве» - тем контрастнее и пронзительнее скорбь на устах жизнелюба, глубоко сострадающего терпящему эпохальное бедствие родному народу. Этим чувством наполнены многие рассказы – большие и маленькие, к примеру, «Три бочонка «Амонтильядо»», «Как мужик двух султанов никак не прокормит», «Черная кошка из горшка», «Утушка луговая», «Тележка-то была в Париже, а ты, деревня, помолчи...», «Наивысшее качество жизни», «Национальное самосознание», «Родину потеряли» и др. Непоколебимая гражданская позиция, отраженная в этих патриотических вещах, определенно делает честь автору.

В отношении «малых» рассказов, которых у Золотарева как раз немало, вероятно, заслужит читательское одобрение его плодотворное стремление развивать традицию творческого самовыражения в коротких зарисовках и новеллах, чему каждый пишущий может поучиться у известных эссеистов – М.Пришвина, Вл.Солоухина, В.Пикуля, В.Шукшина, С.Маркова.

Приятно видеть томик Л.М.Золотарева, изданный на столичном уровне.

Петр Родичев.

Член Союза писателей России.»

Прочитав рецензию, хочется высказаться по этому поводу, развивая отдельные моменты, высказывая собственное мнение по тем или иным эстетическим, социально-философским творческим проблемам.

Итак, продолжим разговор о книге прозы Леонарда Золотарева «Липа вековая».

«Липа вековая» не просто название дерева или строка из народной песни, это скорее символ, намек на несовершенство бытия, тоска по удаче, несвершившемуся. Такая ассоциативность возникает при соприкосновении с творчеством писателя, от тонкого художественного настроения всей массы его произведений, за их временными пределами и пространиями, когда из близкостоящих фактов рождается гармония или дисгармония как реального, так и инобытийного мира, а за внешним наборным текстом осязается иллюзорный подтекст. Ненавязчиво, исподволь происходит обогащение духовного мира героев самой авторской позицией, писательской оценкой происходящего. И это переходит уже в акт свободы читателя в его диалоге с писателем, совместная активность движет к обоюдному пониманию, к сотворчеству. Благодаря такой активной читательской позиции и происходит становление личности, рост самосознания. Будучи свободным, читатель свободно, раскованно воспринимает прозу Л.Золотарева. Творчество писателя реалистично, тяготея в изображении к романтическому усилению, отличаясь проникновенным лиризмом; известна особая теплота, светоносность золотаревской прозы. Так, в рассказе «Берестяные песни» главный герой славится необычным искусством петь на бересте, подражая птичьим голосам. Слившись с природой, как, впрочем, и сам автор. Кроме того, этот персонаж приносит обычную практическую пользу как почтальон, доставляя людям хорошие вести, обогащая в то же время их мир музыкой поэтического пения, слов человеческих из высших сфер бытия, как бы самому почтальону в жизни ни приходилось трудно.

Линия добра, святости духа, долга продолжается в рассказе «Шептунтрава». Марья Польшанова лечит больных травами. И не задумывается о том, что входит в противоречие с официальной медициной. Просто она помогает людям, поддерживая в них саму жизнь, здоровье, как это делали ее предки, как на Руси было века. И в этой своей устремленности Марья надеется на людской

отклик, социальную справедливость. Однако «авторитеты» прикрывают ее лечебную практику, хотя многих больных Польшанова поставила на ноги, не жалея себя. Вот и погибла Марья, угорев в избе. Можно сказать, насильственно ушел из жизни созидатель, реальный, нужный людям, обществу человек. И возникает грустная нотка, неотступная мысль о том, что в диалектике жизни, в своем диалоге с миром сам автор порой ощущает тоску по несбывшемуся, чисто личностному, этакую ностальгию, за чем неумолима поступь прогресса, светлых божественных сил.

В рассказе из другого цикла «Звезда между яблонь» тоже живут и соседствуют люди земные. Судьбы их связаны с небом, с ощущением чего-то высокого, надмирного, и потому они несколько странны, таинственны. Так, главный персонаж Архип смотрит на рассвете сквозь яблоню на звезду поднебесную. Как когда-то и отец его смотрел на нее – звезду свою «странно-приимную», что-то предчувствуя, предощущая. А сгинул совсем от другого, вероятно, от «культы». Тонкая ниточка, едва уловима духовная связь, роднящая поколения. Не только на прагматику способен этот герой рассказа Ковшевой, но и, что не менее важно, на олицетворение памяти, на жизнь в мире духовном, в истине одухотворения. Не будь этого, не был бы он и просто человеком, хорошим специалистом, агрономом.

Этому рассказу созвучен другой, из серии коротких рассказов «Пулькин и Кулькин». Произведение всего в несколько страниц, оно бессюжетно. Однако на чем держится миниатюра? А на ассоциативности. И это тоже реализм, усиленный романтическими средствами, характерным для писателя лиризмом. Так сказать, чисто авторская художественная «двуплановость» текста создает новую иерархию ценностей – подтекст, как бы новую эфемерную реальность, существующую субъективно. А содержание миниатюры автобиографично. Писатель говорит о своих впечатлениях от поездки на Кижы. В разговоре с коллегой автор сообщает, как едва не утонул на быстроходном судне - «ракете» от удара упущенного с плота увесистого бревна. А Пулькин смеется, мол, сколько лет он ездит в Кижы на работу, и ничего, целехонек. На что автор замечает, что

если бы тот был поэтом, неизвестно, что бы с ним еще было. Намек, предупреждение, обращение к инстинкту самосохранения. А в подтексте - воспоминания о поэтах, художниках, пропавших в безвестности.

И вот с подобного рода рассказами перекликаются такие, как «Мой гороскоп», «Под березой». В первом из них сообщается внутреннее, сокровенное через личное, автобиографическое. Скажем, вникая в те же инициалы семейные. Кстати, свою привязанность к Вселенной, к космосу автор объясняет, прежде всего, влиянием на него природных космических сил. А корни «языческой веры» уводят в глубокие недра, в предысторию. Имя Леонард – от отца, оно роднит с великим тезкой Леонардо да Винчи. Дед автора – Иосиф, отец – Михаил, Михаил – архангел, мать – Мария; христианские корни, истоки. Фамилия символизирует солнечную энергию, ценность желтого, солнечного металла на земле.

Подробнее писатель говорит об этом в другом рассказе «Под березой». Автор сохраняет в нем эту свою солнечную энергию, хотя после 37-го рос безотцовщиной. По его словам, чувство справедливости с детства выработывало в нем характер, накладывая свой отпечаток, воспитывало качества личностные. Помогала щедрая на солнце фамилия. На наш взгляд, именно связь с космосом, с природой сущего и говорит о краткости бытования догм, о бренности всего устаревшего, уходящего в самом авторе, его восприятии. Действительно, каноны устаревают, это мир в своем обновлении молод и величав.

Оторвись от «почвы» своей, от земли, и, глядишь, человек уже потерял себя, деградирует, обесцениваясь прямо-таки на глазах. Именно диалог с миром природы, со Вселенной, с лучшими из людей, с лучшими их творениями не дает пасть, позволяет твердо стоять на земле. Лотарев – подлинная фамилия поэта Игоря Северянина (псевдоним поэта). Золотарев – 30 (тридцать) Лотаревых. «Я – гений, Игорь Северянин». А Золотарев тогда кто? Шутка, конечно. А сочетание все-таки интересное.

«Тайны русской души»

Становление национального характера происходит путем осознания себя как личности. При этом в русском народе вырабатываются лучшие черты, такие, как самопожертвование, искренность, человечность. Так, герой рассказа «Дарьюшка – последняя из хуторян» спасает в зимней дороге беременную женщину. После больницы не дает пропасть матери-одиночке, забирает к себе домой, давая родившейся девочке имя своей умершей матери. Как видим, поступки определяют характер. Диалог с миром, человеком устанавливается через диалог с конкретным человеком, через действие, поступок.

И вот герой рассказа «Соломенная грусть» Сенька делает свой выбор, решая стать ветеринаром, не случайно. А именно после спасения коровы, ухнувшей в торфяную выройку. Это решение вполне осознанно. Верится, созидательное начало даст свои плоды, пробуждая ростки новой реальности. Большой мир познается через бережное отношение к каждой хрупкой модели, каждой божьей твари, требующей в иной момент самоотверженности, подвига во имя живого.

И что же мы видим в рассказе «Перепелиное поле»? Меняется природа отчего края, сам ландшафт, висит на волоске вечно живое. В данном случае птенцы перепелов, перепелята. Под натиском так называемого времени – «железной поступи» прогресса. И так ли уж прав механизатор Минька Волвенкин в своем трудовом порыве? Что – нельзя жить по-иному? А вот Михей успевает тех же перепелов отнести за пределы поля. Спасая птицу, он сохраняет не только флору, но душу свою, себя. Сколько же стоит все это? Такое разве поддается учету? И бригадир, в таком случае, разве не антигерой? Ведь свел дубы, дубовую рощу, а без них размыло землю, образовало овраги. Механизатор бросил в поле селитру, и ее утащило дождями в реку, какие потери? Скажите, все это было, ушло? Да нет же, не так-то просто меняется все у нас – генотип, характер, привычки.

Истина, как мы уже говорили, познается в диалоге с миром, а в действиях и поступках проявляется ее диалектический смысл. Черты национального характера у автора рассеяны по всей книге, как бусинки, золотники какие. В блеске деталей, штрихов в рассказах и миниатюрах происходит неустанная работа ума и сердца, идет утверждение добра, отрицание зла. Мысль о созидании, приоритете белой энергии объемлет все циклы, затрагиваются судьбы поколений, различные сферы жизни. Интимное или уходит в еще больше глубины, или выплескивается наружу. Черты героев, самого автора, отдельные интимные события, факты биографические, развешенные по страницам, приобретают публичность. Колорит подобного рода порой концентрируется в так называемых автобиографических рассказах («Ежик из Парижа», «Ария Ленского», фрагменты из «Гранатовых историй», «Озарений»). Так в чем же все-таки состоит отличие коротких рассказов (новелл-миниатюр) от традиционных, выражающих характеры в привычном действии, пластике? Думается, прежде всего, в их трансцендентальности, в зафиксированных мигах, мгновениях. Часто это первые впечатления запредельности, предчувствия, что-то намечено двумя-тремя штрихами, как где-нибудь в импрессионизме, пуантуализме. Намек, нечто угадываемое и в то же время мысль, отблеск ее, и все не явно, изначально летуче. Читатель как бы вместе с автором, с его героями участвует в острых дискуссиях с жизнью, в событиях, реальности. Диалог ведется на равных. Перевороты мысленные и душевные становятся все рельефнее, неповторимый миг выражен все более адекватно. Мозаика - и в то же время полотно. Как, скажем, у того же Врубеля. Вблизи мазки, грубая лепка, а отойдешь - живопись, настроение.

Ну и кто же мы такие, народ наш с древнейших времен? Чего в нас больше - дикого, варварского или цивилизованного, окультуренного, Азии или Европы? Оказывается, сострадание, всемирная отзывчивость - первейшие качества нашей европейско-азиатской русской души. Неслучайно в рассказе «Троянский конь» автор вспоминает стихи Е.А.Благиной. Читаяшь их - и происходит «катарсис», нравственное очищение.

Богат народ наш духовными, высоконастроенными людьми. И потому не страшно, когда кто-то рядом думает лишь о себе; эгоизм разлагает душу, растет, как грибы, однако есть ему противостояние, ночь все равно сменится днем.

Можно ли оставаться равнодушным после прочтения рассказа «Ария Ленского»? всю жизнь в авторе борются две стихии: стихия музыки и стихия слова - от двух первоначальных основ его таланта. И как не стремиться слить их воедино? Прозаическое слово здесь опозитизировано, а ведь в поэзии одно из важнейших качеств - музыка. Вот и смыкается слово с музыкой в общий счастливый аккорд.

В автобиографической миниатюре «Три сосны» автор полон впечатлений от посещения в Перedelкино могилы Бориса Пастернака. Оба они поэты, оба переводили с французского. Однако каждое поколение имеет свою эстетику, свое осмысление ушедших эпох. Три сосны стоят на могиле, как стражи. Поэта нет, а его переводы живут.

И вот цикл коротких новелл «Озарения». В них заключено, может, большее, чем просто предчувствия, душевные перевороты, за ними стоят переходы из сферы сознания в область подсознания - это творчество, его самодвижущийся диалектический процесс. Отметим, как удачно использует автор биографический материал. В своих коротких рассказах он сам как бы высвечивается вспышками, озарениями изнутри, создавая иллюзию накопления, приближение чего-то большого, общего, изменяющего качество сущего, переворота души.

Не менее интересно выражен русский характер в кратких исторических новеллах, где мелькают различные черты, состояния. Так, например, известно, что испокон русские были людьми свободными. И вот, чтобы ими не овладевала охота к перемене мест, чтобы крестьяне не уходили от хозяев, и наложили на них «крепость». Для переходов оставлен был только Юрьев день - это осенью, после уборки урожая. И родилась поговорка «Вот тебе, бабушка, и Юрьев день». Тема продолжена в другом рассказе «Дары, потом налоги». Эпизод взят

уже из времен Лжедмитрия, когда богатые дары преподносили царям и боярам, а народ платил после непомерные налоги. Поневоле приходит в голову, как это все живо, современно.

И еще один автобиографический рассказ «Встреча в Савойях». Всю жизнь героиня переписывается с Жозеттой - француженкой, живущей в Швейцарии. Это дружба длится с молодости, еще со студенческой скамьи. Лишь через сорок лет они встречаются во Франции, где-то в Савойях. Жозетта больна тяжелой, неизлечимой болезнью. Она предчувствует грозящую катастрофу, Людмила спешит сказать подруге слова утешения. Действительно, отзвучившая русская душа, полная сочувствия, сопереживания и любви. Людмила возвращается домой в Россию совсем другим, раскованным человеком. Вот зачем, оказывается, ездят за границу. А через три месяца пришло Людмиле в Россию письмо: Жозетты не стало. Но живет в сердце русской женщины память, подключая душу к высшим сферам, накопленным всем человечеством.

В рассказе «Ключ-колодец» Иван Иванович Корнеев после лагеря возвращается в родные края и, помогая людям, копает колодцы, дает народу живительную влагу - надежду на лучшую долю. Не озлоблен и после лагеря, находит в себе силы делать добро. И вот он, Корнеев, попадает в беду - в завал. Один на один остается в жуткой колодезной мгле. До самого конца герой рассказа не впадает в отчаяние, чувствуя близкое дыхание смерти. Таким Иван Иванович и остается в памяти людской - бескорыстный, первородночеловечный, вечности-вой. Таинственны глубинные «святые колодцы» русской души, идущие к нам сюда через века, к сожалению, начинающие пересыхать. Герои Леонарда Золотарева способны на поступок, даже на подвиг. Что выглядит выпукло, зримо; самоотверженность необычна и в то же время естественна, как и естественна жизнь каждодневная, нравственная, держащая нас над рутиной.

Сюжет в рассказе «Аксиньин свет» безыскусен. Русской женщине доярке Аксинье на ферме ушибло спину, ноги перестали ходить. Чья-то халатность, что ли, сделала ее инвалидом. И какой же характер проявляет Аксинья, какую жизнестойкость, силу духа, чтобы выжить, остаться полезной людям, семье.

Она делает всяческие упражнения для рук, чтобы можно было как-то работать. А муж ушел к другой женщине. Однако Аксиныя не теряет присутствия духа, просит работу на дому, ибо надо жить хотя бы для детей. Это ли не пример «мирского трагического героизма», по выражению Альбера Камю. Когда характеры находят себе развитие в действии: герои - в положительных поступках, антигерои - в отрицательных.

Ярчайшее национальное сознание проявляется в одноименном рассказе. Два героя, два класса общества: Миша - из крестьян, Митя - из дворян. Один - бывший белый офицер, другой - летчик. Став душевнобольными от перегрузок они кормятся подаванием. А когда общие враги в Великой Отечественной войне приходят в городок и переименовывают Советскую улицу в Гитлер-штрассе, оба они проявляют в высшей степени «национальное самосознание». Один говорит при всех: «Плохое слово, нехорошее». А другой: «Не наше это, не русское». Вот так. «А король-то голый». «Не могу молиться за царя-ирода. Богородица не велит». Вот тебе и национальный характер, общечеловеческое содержание, когда бессознательное переходит в сознание, выявляя черты рода, русский характер, генотип всего народа.

«Познаваемое интуицией»

Напряженна современная жизнь – бесконечна борьба мнений, нового с отживающим. И так во всех сферах перелома веков, даже тысячелетий. И все это проявление дисгармонии, ее бесконечные вариации, какофония слов, звуков, крики души, часто доводящие до стресса. А человек жаждет тишины, «серебра тишины».

В рассказе «В низенькой светелке» старушка Митревна потеряла на войне сына – последненького, «поскребыша», Володька погиб в Чечне. И как герой похоронен на мемориале в райцентре – «на погляд всему народу». Вся местность гордится им. Глава сельской администрации Хорунжев относит его к «генофонду человечества». И старушка торчит в окошке, чтобы рассказать

людям, казачатам – школьникам, что она знала о сыне. И тут память не дает распасться связи времен. Рассказ написан изящно, с тонким ностальгическим чувством, он даже элегантен при всей своей народности, точно вписан во время. В простых человеческих словах о судьбе старушки зреет протест против «уродства» жизни – против войны. Горечь за все несправедливости земные, мнение народное – высшая оценка воинской доблести.

Чеченскую тему развивает повествование, состоящее из рассказов под названием «Седмица» - жанр не совсем привычный. Седмица по-старорусски – семь календарных дней, это неделя. В отличие от «Декамерона» Боккаччо, где действие длится десять дней. А также «Гептамерона» (10 новелл за 10 дней) Маргариты Наваррской. «Декамерон», «Гептамерон» воспевают гуманистические идеалы.

Новеллы в этих сборниках носят психологический, порой фантастический характер. А что же «Седмица»? Это повествование в рассказах, где семеро молодых людей целую неделю, сидя в церковной колокольне на Перуновом холме – этом ведическом месте, рассказывают друг другу истории. Эти исповедальные истории носят реальный, а порой и нереальный, даже мистический характер. «Я не чувствую времени, - раздался шаткий, неуверенный голос Алеши. - Я просто плыву в нем, как это вот... облако». В героях проступает порой нечто провидческое, что кажется почти невероятным.

« - Я чувствую краешек ямы.

- Ну что - накаркал?! – набросились все на Алешу. – Ясновидец корявый!»

Молодые люди рассказывают друг другу эпизоды из своей жизни, из бытования своего края, народа, народов земли. И все эти истории, квазиистории побуждают предугадывать события, различать приметы предстоящего, грядущего. Через исповедальность героев провидится, как много все же накоплено в обществе несовершенного, как людей, саму жизнь тиранит все это, распирает изнутри, рвет на куски. Хотя бы в «Рассказе Марии» прадед ее, помнится, привез с Кавказа пробабку Евтихьевну. А село не приняло ее. И

пришлось мужу вытаскивать ее из реки. После они прожили в добре и согласии долгую счастливую жизнь. Так разрешается здесь национальный конфликт, особенно характерный и важный для нашей многонациональной, многострадальной России.

Или история Фроси из той же «Седмицы», Фрося отвергла парня. Теперь он, ее бывший возлюбленный, воюет где-то в Чечне.

« - Утром он не пришел на плац, - бормотала сбивчиво Фрося. - Не давал клятвы, лейтенанта ему не присвоили. Он просто скрылся, сбежал.

- В Якутию? - спросил кто-то Володьку.

- Сначала в Якутию, - открыла Фрося глаза и сказала уже реально, так явственно. - А последнюю весточку я получила от него из Чечни, там и воюет.

- Вот это любовь, - засмеялась Катерина. - Это я понимаю».

В эпизоде ощутимо романтическое начало. Драматизм окрашивает любовь в экспрессивные, романтические тона. Сопричастность с судьбой страны оживляет, укрепляет ребят, вселяет в них мужество перед предстоящим, перед реальной жизнью, перед небесными, инобытийными силами.

В «Рассказе Марии» из того же повествования Храм Казанской Божьей Матери обнадеживает, сплачивает сельчан в самые трудные времена. Сколько добра скопили они и поместили в святую обитель. «А тут голод нагрянул - осенью опять ничего не собрали. Даже на прокорм. Вот и зима подъявилась - белым-бело, а храм на Языческом Холме прямо-таки сияет незапертой дверью. И чего в нем только нет для строительства храма, богатства всенародные, немислимые - особо для голодного человека. Утром встанет мужик - лег с вечера натошак, да тут еще шестеро по лавке, сам - седьмой, так и тянет стянуть чего-нибудь, где что плохо лежит. Шмыг за дверь, глянет на капище - стоит, зияет, дает надежду <...> Вера есть вера. То высокое, божеское, а это земное, человеческое, как-нибудь перетерпится...» Понятно, почему «красота - спасет мир». Здесь красота уже спасает людей в прямом и переносном смысле.

В «Рассказе Фроси» новые авторитеты - «воинствующие атеисты» рушили церковь. И дед Фроси Ермила Дяттерев наострил с ними колокола

сбрасывать. И только потом понял, «о чем гремит колокол» в тяжкие времена. В том числе, как это было, в Великой Отечественной войне. Так и живем, считаем годы и беды, героизм исчисляем от войны до войны. Автор выступает против всего, уродующего душу, саму жизнь, бытование наше земное.

«Я жалею Лермонтова, и если поеду когда-нибудь на Кавказ, то не из-за Чечни (да, Володь?), а исключительно ради Лермонтова, чтобы посмотреть на «Лермонтовский провал», глянуть куда это «все в России провалилось и проваливается до сих пор?» («Рассказ Ивана»).

И вот эта дисгармония мерещится всюду героям, в том же цикле «Черная мантия». Шабаш, какая-то тризна, и Ниночке видятся призраки.

« - Да вон же они! - махнула прямо перед собой энергичная Катерина. - Вон они, эти призраки, справляют по ком-то тризну. Дьяволиада какая-то, тени водят вокруг кострища свои хороводы». И кажется персонажам, что уже не люди, а тени прибыли на машинах с «соломенными моторами» за бирками и золотыми зубами. Именно тут тела солдат иностранных легионов преданы были когда-то земле.

Теперь об эстетике, стиле этого повествования. А стиль «Седмицы», на мой взгляд, в какой-то мере соотносится со стилем Андрея Платонова: что-то напоминает экспрессию, сжатость платоновской фразы, отстраненность, символику, гротеск, неожиданный переход на новые горизонты.

« - Да разве же я с-с-смеюсь, - перекивилась, едва не заплакала Ниночка. - Это я так... я сама боюсь бездны...

И все боялись. Все глядят нервически, сдернутся эти черные врата с замчища, и падут на них, словно грачи с кладбищенских лип, или так и останутся, замерев на воскресном телеканале, в этой вечерней уже полушафрановой мгле.

Если жить - Мдгелланово облако уйдет в глубокое и растворится в неведомом».

«И тишина. Штукатурка со звонницы упала, шмякнулась о пол, так что стены храма внизу аж зазвенели, и эхо пошло гулять по каменной пустыне,

ударяясь то о красные, жаром пышущие языки сонмов грешников, кипящих в аду, то о белые яблоки райских куш» («Рассказ Ниночки»).

Как же не хватает нам гармонии мира, этого «серебра тишины»! Так дорого героям, самому писателю в его авторском умолчании, духотворности всего этого «серебра тишины» – от просторов земных, от душ людских, от бед, неудач, недугов, бесконечных войн, испытаний, которым подвергается жизнь, предвосхищая иные сочетания реального и ирреального. «Серебро тишины» – это символ современного, счастливого, непредсказуемого, но так ожидаемого. Другая сторона – это золото солнца, слитное с серебром, чисто авторский серебряный свет в смене дня и ночи, который порой хочется задержать. Пусть же свет этот, как и серебряный дождь на ладони, длится еще и еще... Таково ощущение от подобного сочетания слов, словесных клише, которых в книге не так уж и мало.

Действительно, стиль «Седмицы» соотносится со стилем Андрея Платонова. А сюжеты чаще всего исполнены в обычном романтическом ключе. Но где проявляется концентрация речи для выражения ирреального мира, так это в авторских реминисценциях, в писательском мироощущении, в предначертаниях слитных воедино времен, когда стиль «Седмицы», приподнимаясь над реальностью, приобретает духотворность, предощущение ирреального, отстраненного мира. Это уже элементы иной эстетики, перехода к романтическому восприятию, черты романтического реализма, когда фраза усилена, эмоционально насыщена, сконцентрирована на таинственности, загадке, фантастичности в себе и окружающей среде, которую следует разгадать.

«Пришла Мать, принесла Красный Цветок. И положила его перед Мальчиком, и Мальчику стало вдруг так тепло, весело, хорошо, как недавно в утробе матери».

« - И серый ком шевелится на поверхности Земли, и этого добра уже пятнадцать миллиардов».

Как видим, фраза тут динамична, проста по форме, но содержательна, удивительна по своей глубине. И в этом свое новаторство, поиск и неустанность работы автора. Авторский язык при этом убедителен, эпитеты представлены во всей палитре красок, рисуя гамму переживаний, нацеливая на предмет изображения, придавая ему духотворность. А отстраненность позиции создает особое впечатление от той же самой авторской «двуплановости», усиливающей новаторство писателя в реалиях текста, в пространстве предвидений и озарений.